

В книге «Писатели Кузбасса» поэт Анатолий САУЛОВ — самый молодой. Впрочем, так оно теперь всегда и будет: жизнь отвела ему всего 26 лет. И вот в прошлом году подоспело уже его 60-летие...

В 70-е годы почитателей его поэзии было не счесть, его книги имелись во всех, считай, библиотеках области — ведь посмертный его сборник «Я боюсь опоздать» вышел 10-тысячным тиражом и разошёлся. Но минуло почти 30 лет. Нынешняя молодёжь мало что знает о его творчестве, пронизанном любовью, которой так не хватает сегодня миру.

...Не потускнеет в памяти март 1968-го. Я прилетел в Кемерово на встречу с Толей. Мы оккупировали столик в ресторане на втором этаже аэровокзала. Потягивали пивышко, да и что покрепче. Это, между прочим, нисколько не мешало нам «потрошить» нашу совместную рукопись очерковой книжки «Горячий Север» — о поездках к томским геологам. Поработали от души. И наговорились. А *вечером Микэ Кукно было* домой.

Брат был не то что не весел, а как-то задумчив, грустен.

— Дай-ка блокнот, — попросил. Карандашом написал:

*«А у меня судьба такая, —
Значит, так тому и быть, —
Пока льдина не растает,
Я на льдине буду плавать...»*

Так пожелаю мне, браток, счастливого плавания, попутного ветра и уютной — в конце концов — пристани...»

Перед этим он гостил у меня в Абакане, где я работал собкором газеты «Красноярский комсомолец». Я передал ему отзыв о его книге «Земляника» от первого хакасского романиста Николая Доможакова, кстати, приглашавшего Толю обосноваться в Абакане. Поведал я и о том, что ленинск-кузнецкий писатель Пётр Шмаков по «Землянике» успешно защитил курсовую работу в Литературном институте в Москве.

На моём столе ещё лежали последние Толины весточки. Открытка: «Спасибо за всё, ребята!» И ещё более радостное: «В Москве взяли книгу мою. Когда выйдет — не знаю. Новыдет. Только что пришёл ответ».

И, как всегда, юмор, а ним он был просто нашпигован, за счёт чего, думаю, и «выезжал» из самых сложных и запутанных ситуаций, которых у газетчиков, сующих нос куда и не надо, воистину не счесть. Вот одна из его записок:

«Перешёл от Тони к Тане, / Всё на редкость по уму. / То ли был я в Абакане, / То ли не был — не пойму... Ситуация — между небом и землёй». И приписка: «Мих., экономь мой книжки, летом приеду — стодятся...»

В последний свой приезд в Абакан Толя захотел посмотреть настоящие народные идолы. Эти каменные изваяния ещё стояли в хакасской степи. «Такими я их и представлял», — сказал напоследок, поглаживая прохладную твердь. Про-

Анатолий Саулов.

сил свозить в тайгу к старику-шаману. Почему-то считал: шаманы — посредники между людьми и Богом. Его тянуло к неизвестному, неразгаданному.

Как-то утром мы спешили на кемеровский поезд. Уже перед самым вокзалом, срезая угол, помчались по насыпи. Толя вдруг резко остановился: «Стоп!» Привычным жестом протёр очки.

— Вот моё сердце...

На его ладони лежал речной (с кулак) валун. И точно, как сердце: прожилки, похожая форма. Под впечатлением он сказал:

— Остаюсь... И что бы это значило? Может, конец скоро?

Подумал-подумал:

— Вообще-то, ох как рано! Мне бы до тридцати дотянуть. Сколько невысказанного!..

Он остался у меня ещё на пару дней. А тот камень я до сих пор храню.

Ничто не предвещало беды. В той же, последней, открытке: «Сегодня читаю в студии стихи. О космосе. Лейтмотив: я вернусь, я вернусь». И озорное: «Эх, сто граммов бы ещё!..»

И вдруг — звонок, страшная весть. Потом в областной молодёжке — некролог от обкома комсомола, Кемеровского отделения Союза писателей, редакции «Комсомольца Кузбасса»...

А у него, казалось, было всё впереди.

Участок «Заготскот» Чусовитинского сельсовета Ленинск-Кузнецкого района, где 24 марта 1942 года родился Толя, был поселком в три десятка домов. В посёлке в войну за 4 километра мы добирались на выках. Внушительный пруд, где водилась рыба, а летом и

Михаил САУЛОВ
брат

дичь. Берёзовые колки, ложбинки и пригорки, усыпанные цветами. Среди этого раздолья и провёл первые годы жизни наш младший братишка (а всего нас четверо), вобрав в себя мощные творческие токи матушки-природы.

Стихами нас с Толей «заразил» брат Иван (он постарше меня на четыре года). Поэзия была его страстью. Он усаживал нас с Толей за стол, а сам ходил по избе и читал свои стихи. А потом вовлёк в слушатели старших сестёр и родителей. Так образовалась семейная «литгруппа». И когда Иван ушёл в армию (служил в Восточной Германии), то руководил «литгруппой» заочно, через письма.

Не помню уж, как мы напали на московский адрес: ул. Сушевская, 21. Кто-то, видно, из грамотеев дал: родители газет не выписывали, да и радио не было. Вот и шарахали туда свои творения, в том числе сказочные — сюжеты давала нам мама.

А оттуда (Ивану): «В наше время писать о русалках, водяных и прочих нереальных персонажах — несерьёзное занятие. Вот и живёте в гуще советских людей. Пишите так, как пишет поэт Исаковский, чьи песни знает и поёт весь советский народ».

Это потом мы поняли: писали-то, оказывается, в «Правду»! Долго ещё те попытки войти в литературу вспоминали с юмором.

Годика в три Толю крестили. Помню, батюшка здоровенный, кудлатый, в шубе — как боярин. Махнул с ходу стакан первача — мороз на улице шибко лютовал. Вытер бороду, крикнул, вытащил из сумки свечу. А та в дороге согнулась. Толя сразу:

— Ма, а свечка, как у нашей Маньки рог.

Батюшка аж всплеснул руками:

— Ну, малец, ну прямо Пимен... Мама не знала, кто такой Пимен, но словами батюшки возгордилась.

Когда Толя родился, отец строил химический завод. Ему было 46 лет, военный опыт имелся — с первой мировой лихой кавалерист принёс даже Георгиевский крест. Правда, в 1918-м, влюбившись в маму (она жила тогда на Орловщине), воткнул штык в землю. Но старший мамин брат-большевик устыдил. Вернулся к красным.

О прадеде Митьке (по отцу) сказывала нам при добром настроении мама, что от его разгула сотрясалась вся казацкая станица. Занимался он отхожим промыслом. Когда подходили сроки его возвращения домой, прабабушка при-

кладывала к земле чуткое ухо: не колышет ли землю топот копыт? Но вот соседка зычно, словно нарочно, крикнет ей в окошко:

— Соседушка, твой!

И прабабушка, как подкошенная, валилась наземь.

Мы с Толей задумывали составить родословную. И подготовить книжку — стихи трёх братьев. Да не довелось ему в этом поучаствовать. Готовлю один.

Отца доконали три войны.

Помню, он тяжело заболел, а нам с братом надо отправиться в творческую командировку в Томскую область.

Спросили его, что делать.

— Поезжайте с Богом, я дождусь вас.

А потом, рас- *сказывал, расшевел* дельничьим, сколько осталось до нашего возвращения. По звонку из дома

я застал его ещё живым (Толя был у геологов в глухой тайге). Отец с трудом приподнял веки, еле слышно прошептал:

— Дождался...

И умер. Толя не успел даже на похороны. На могиле он рыдал, как ребёнок.

Перебравшись в 20-х годах в Сибирь, родители обосновались в колхозе «Октябрь». Маме доставалось нелегко: мы же появлялись на свет через два-три года. Она вязала за день по тысяче снопов, пропадала на ферме, вела домашнее хозяйство. Общительная, весёлая. В Трубчевске, где веками жили они, Архиповы, у них была и вторая, уличная фамилия — Соловьёвы. Она сама за себя говорит.

Толя, как лепесток к солнцу, тянулся к нам, «шестидесятникам». Видимо, он нутром чувствовал наше поколение, вдохнувшее свежий воздух в хрущёвскую оттепель, когда общество проснулось, всколыхнулось и начало строить планы обновления жизни.

Помню, «гудели» мы как-то в Красноярске у собкора «Труда» Виктора Коморина в хибарке, оставшейся ему от матери и выглядевшей на фоне гигантского Красмаша завалошным сараем. И Валентин Распутин (он тогда работал в Красноярском комсомольце) литконсультантом), расслабленный трёхстрочковой «Перцовкой», теребил Толю:

— Ребята, надо только держаться друг друга. Мы сможем многое, дайте только срок. Всё равно наступит наше время...

На прощание на своей первой тонюсенькой книжечке о северной народности Распутин написал: «Всё это, конечно, ерунда. В будущем надеюсь подарить что-нибудь поприличнее».

Позже, уже в Ленинске-Кузнецком, прочитав лучшие книги Распутина («Деньги для Марии», «По-

следний срок» и «Прощание с Матёрой»), я принёс на телеграф ему такой текст: «Деньги для Марии покорили, последним сроком доволен, Матёра хороша».

Телеграфистка подозрительно окинула меня взглядом, сгребла телеграмму и исчезла. Появившись минут через пять, строго и решительно сказала:

— Отправлять запретили — это же какой-то шифр...

Не помогли и мои объяснения. Сейчас я думаю, что ещё легко отделался, а то бы к чекистам уволокли: как же — шпион!.. А ведь были уже семидесятые.

Вот против такого и восстанавливать «шестидесятники», кто как мог.

Книга лучших, избранных стихов Анатолия Саулова. Все стихи я сверил (и выправил) по последней его рукописи «Малыновки в ма- *минские, которую он подготавливал* за месяц до кончины для московского издательства «Молодая гвардия», одобренную там, но так и не опубликованную.

Постарался я и восстановить десятки купюр, особенно в «Я боюсь опоздать», которые встречались в прежних сборниках по воле редакторов. И дополнил неизвестными вариантами стихов. Таким образом, постарался осуществить Толину мечту:

*И листки со стихами, —
Боль, кровинки мои, —
Друг поднимет, дыханье
Затаив, затаив...*

К слову, брат верил во Вселенский разум, в то, что земляне — лишь песчинка в мироздании. Не случайно у него столько стихов о Космосе и две поэмы — «Утёс на Волге» и «В иллюминаторе — Земля».

А его вечные приписки в открытках: «Хочу в Космос!» Да, и вот такой случай...

Лет этак двадцать назад я был дома один. Ночью не то от шороха, не то от шёпота проснулся. И — о, Боже! Передо мной на стене, на желтоватом экране проходил кадр за кадром незнакомый мне, явно неземной мир, какой рисуют в православных книжках и на рождественских открытках. И вот я уже отчётливо вижу парящим в небе в облике ангела, в розовой ауре брата Толю. Он ничего не говорил, только вроде как шевельнул крыльями — и «экран» померк. Всё это длилось минуту, а может, две.

Но я и по сей день вижу эту картину. А в ноябре 1996-го в «Аргументах и фактах» меня поразила статья «Пересадка души» с фотографией. Увлёк образ существования души, совпадающий с тем, какой я видел в ту ночь...

А ведь брат всё время повторял: «Я вернусь, я вернусь...»

И вспоминается Игорь Тальков, сказавший о поэтах: «Они уходят, выполнив задание, / Их забирают высшие миры».